

УДК 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/63-71

Научная статья

© Р. Ш. Зельницкая

МЕРТВЫЕ В ПРОСТРАНСТВЕ ЖИВЫХ: УСПЕНИЕ ПО-АБХАЗСКИ

В статье на примере обрядовой стороны абхазской традиции отмечания праздника Успения Богородицы (Нанхэа) предпринимается попытка показать, как в абхазском обществе формируются представления о двух мирах: мире живых и мире умерших. Граница между этими мирами представляется как проходимая в обе стороны, что требует от живых определенной осторожности, с одной стороны, и форм проявления заботы по отношению к умершим — с другой. Важнейшей формой заботы по отношению к умершим со стороны живых является их кормление, которое становится центральным обрядовым действием во время отмечания праздника Успения. Пища предлагается не только родственникам, но и тем умершим, которые могут оказаться вблизи дома и также нуждаются в пропитании. Еще одной формой соприкосновения с миром умерших является практика гаданий. В праздник Успения оно происходит ночью рядом с кладбищем и заключается в слушании звуков, которые рассматриваются как знаки грядущих событий, имеющих отношение к конкретному сообществу. Обе формы коммуникации с умершими подразумевают соблюдение определенного набора запретов, направленных на то, чтобы обезопасить живых.

Ключевые слова: Абхазия, Успение, умершие, застолье, гадания

Ссылка при цитировании: Зельницкая Р. Ш. Мертвые в пространстве живых: Успение по-абхазски // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 63–71.

UDC 39

DOI: 10.33876/2311-0546/2023-1/63-71

Original Article

© Ritsa Zelnitskaya

THE DEAD IN THE SPACE OF THE LIVING: THE FEAST OF THE DORMITION AMONG THE ABKHAZ

The article uses the example of the ceremonial side of the Abkhaz tradition of celebrating the Feast of the Dormition of the Virgin Mary (Nanxha) as an attempt to show how the Abkhazian society shapes its ideas about the world of the living and the world of the dead. The border between these worlds is seen as passable in both

---

Зельницкая Рица Шотовна — к. и. н., старший научный сотрудник, Российский этнографический музей (Российская Федерация, 191186, Санкт-Петербург, ул. Инженерная, 4/1). Эл. почта: riza81@yandex.ru

directions, which requires the living to be cautious, on the one hand, and to care for the dead, on the other. The most important form of care for the dead is feeding them, which becomes the central ritual action during the celebration of the feast. Food is offered not only to relatives, but also to those deceased who may be around and also need food. Another form of contact with the world of the dead is the divination. On the Feast of the Dormition, it takes place next to the cemetery at night and consists in listening to sounds that are considered as signs of upcoming events related to a particular community. Both forms of communication with the dead imply compliance with a certain set of prohibitions aimed at protecting the living.

Keywords: *Abkhazia, Dormition, dead, feast, divination*

Author Info: **Zelnitskaya, Ritsa S.** — Ph. D. in History, Senior Researcher, The Russian Museum of Ethnography (Saint-Petersburg, Russian Federation). E-mail: riza81@yandex.ru

For citation: Zelnitskaya, R. S. 2023. The Dead in the Space of the Living: The Feast of the Dormition Among the Abkhaz. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 1: 63–71.

Абхазы в разговорах об умерших родственниках часто говорят — *идунеи иңсахит*, что означает «поменял свой мир». Смерть близких людей для них является большой трагедией, тем не менее, они редко произносят слово умер-*дыңсит*. Возможно, с этим связан тот факт, что, по их мнению, умершие родственники, меняя свой мир, полностью не уходят из их жизни, то есть не происходит их полного отделения от мира живых. По мнению Ж. В. Корминой и С. А. Штыркова «окончательное отделение покойника от мира живых возникает в самых разных контекстах. При снаряжении покойника всем необходимым в гроб нужно положить те вещи, которые просил сам умерший. В противном случае он наверняка придет за недостающей вещью». (Кормина, Штырков: 2001: С 217).

Многочисленные данные об абхазской культуре свидетельствуют, что указанное отделение покойника не ставит в глазах абхазов непроходимой границы между миром живых и миром мертвых. Сами же обитатели этих миров, можно сказать, составляют два сообщества, способных оказывать влияние друг на друга, подобное представление продолжает быть важной частью мировосприятия абхазов. В связи с этим рассмотрение того, как и в каких формах сохраняется и поддерживается коммуникация между миром живых и миром мертвых, сохраняет свою актуальность и составляет цель предлагаемой статьи. Для конкретизации этой цели привлекается материал, относящийся к ритуальной стороне отмечаемого праздника Успения, в том числе, собранный в ходе экспедиций в Республику Абхазия в 2016 и 2019 гг.

Из повседневной жизни абхазов смерть никогда не вытесняется. Более того, они думают о ней, и о тех, кто умер. Абхазы считают, что, покинув мир, в загробном мире человек продолжает жить, только в другом пространстве. Именно поэтому они переживают о своих умерших родственниках и их душах. Чтобы душа усопшего покоилась с миром, во время прощания произносят специальные пожелания: «*Аььанатъ гьлартас иуоуааит! Иуқарьысо анышэ узыласхааит! Уахь иқоу уалхьымзааит! Ушьтахька ухьампшааит*» (Чтобы рай стал твоим пристанищем. Чтобы на том свете ты не был обделен тем хорошим, что там есть. Назад не поворачивайся) (Зельницкая 2020: 160). Последнее пожелание «назад не поворачивайся», обращенное

к покойнику, возможно, было порождено страхом перед смертью. В их понимании эта фраза означает, что он, то есть покойник, может вернуться за своей «жертвой». Можно предположить, что ее произносят для того, чтобы предотвратить возвращения умершего.

Абхазы, помня о своем временном пребывании на земле, верят, что когда-нибудь они после своей смерти встретятся со своими умершими родственниками. Тост об упокоении всех умерших является одним из обязательных во время застолья. Как правило, тостующий заканчивает словами: «*ҳаҟсқәа еиқәшәааит*», что в переводе значит «чтобы наши души встретились» (ПМА 2016). Для того, чтобы это когда-нибудь произошло, абхазы бросают горсть земли в могилу родственников и друзей.

Следует обратить внимание на то, как абхазы переживают смерть родственников. Пережившие утрату близкого человека, одевая траурную одежду, демонстрируют свое горе. В течение длительного времени абхазы много говорят об умершем так, как будто он все еще находится в их жизненном пространстве. Переживание о своей утрате «делает прошлое еще не ушедшим и не забытым» (Марков 1998: 144). Можно предположить, что они таким образом стараются продлить время окончательного «расставания» с умершими. С одной стороны, они опасаются забыть их и в своих воспоминаниях возрождают жизнь усопшего, а с другой — осознают, что это неизбежный жизненный цикл. «Как только между умершими и живыми оказывается земля, память притупляется и боль становится не такой острой», (*Знык анышә ҳабжьа-лаати нас сара ибсырбан*», — *ихәоит авыстәа*) — рассуждают абхазы (ПМА 2016).

Вне зависимости от локальных различий, похоронный и поминальный обряды абхазов строго регламентированы и обладают несколькими функциями. Первую специалист по философской антропологии Б. В. Марков называет «медитативно-временной», а вторую — наведением «пространственного порядка». Таким образом, заключает он, «похороны — это проводы мертвых и защита живых от горя и аффекта, нарушающих социальный и душевный порядок» (Марков 1998: 138).

Совершая похоронный, а затем поминальный обряды по традиции, то есть, как делали их предки, абхазы заботятся о том, чтобы умерший ни в чем не нуждался даже на том свете. Именно в рамках поминальной обрядности происходит регламентированное общение живых с отошедшими в мир иной. Умерших поминают не только в установленные дни (9, 15, 40 и 52 дня, а также большие поминки-*аҟсхәара*), но и на протяжении всей своей жизни.

В абхазской культуре считается, что общение с предками может происходить как со стороны живых, так и со стороны умерших. Во втором случае это может быть, например, явление умершего во сне или при гадании.

В качестве примера ситуации, когда происходит одностороннее общение с предками, в данной статье будет рассматриваться Успение Богородицы-*нанҳәа*, которое является важным календарным праздником в абхазской традиционной культуре, вне зависимости от религиозной принадлежности.

Общение с умершими родственниками (членами семьи) происходит через «визит», то есть во время обрядового застолья мертвые приходят по приглашению в гости к живым.

Некоторые исследователи, например, Ю. М. Ботяков считают, что «Круг участников праздника *нанҳәа* (Успение пресвятой Богородицы) более узок, так как включает в себя только ту часть абхазов, которая исповедует православие» (Ботяков 2015:

30). Здесь мы осмелимся не согласиться с этим утверждением, так как этот праздник, по нашему наблюдению, проводят по всей Абхазии. Исключение составляют, скорее всего, те, кто не празднуют, потому что не знают всех правил проведения обрядов, но, тем не менее, все в этот день стараются накрыть поминальный стол. Если же обратить внимание на ту часть населения, которая в этот день считает необходимым посетить действующие храмы Абхазии, то стоит отметить, что их количество, как раз, действительно небольшое. Многие прихожане посещение храма в этот день не связывают с контактом с умершими. Для них это, прежде всего, получение благословения Всевышнего. Таким образом, можно говорить о том, что, если в классическом православном смысле «реализованным оказывается семантика всех локусов, в которых возможен контакт с умершими: церковь, дом, кладбище» (Кормина, Штырков 2001: 208), то в традиционной культуре абхазов такой контакт осуществляется дома и на кладбище.

Дома, как правило, этот контакт происходит во время *ашиэаргылара* — досл. «оставить стол», то есть кормление мертвых душ. В начале XX в. Н. Джанашия писал, что абхазы совершают «Вечное поминовение усопших повсеместно: на второй день св. Пасхи, в день Петра и Павла — Пертаба, в дни Успения Богородицы и Рождества Христова. Эти приношения общие — для всех новых и старых покойников» (Джанашия 1917: 182). В настоящее время днями поминовения всех умерших родственников семьи вне зависимости от давности их смерти считаются Пасха и Успение. Накрывая стол, абхазы полагают, что делают подношения умершим. Во время последующего застолья старшие члены семьи поднимают тосты в адрес душам покойников. Текст этого тоста по сравнению с зафиксированным Н. Джанашия в начале XX в. не сильно изменился. Абхазы, как и прежде, обращаясь к тем, кто ушел в мир иной просят их «быть защитниками и покровителями их во всех явлениях жизни». «Не лишайте нас за наше неведение теплоты глаз ваших и любви сердец ваших! Умножьте наш род, чтобы он мог достойно служить вам» (Джанашия 1917: 182). Нужно отметить что они обращаются ко всем покойникам из числа рода вне зависимости от того, как давно этого человека нет в живых.

По сообщениям наших предшественников, 28 августа моление проводила женщина-хозяйка дома. Она выпекала ачашэ-хачапур, варила петуха и в огороде вместе со всей семьей на коленях просила великую Нана милости их дому. Только после этого накрывали стол для умерших (Шиллинг 1931: 71–72).

Отметим, что Е. М. Шиллинг *нанхэа* относит к христианским праздникам и только вскользь упоминает о поминовении мертвых. Сложно сказать, почему для него было важно обратить внимание на сопутствующие обряды и приметы. И еще важным моментом является то, что до него никто из исследователей на эти детали внимания не обращал.

Детальное исследование Успения Богородицы-*нанхэа* на протяжении длительного времени (с 2006 по 2013 гг.) на территории современной Абхазии проводил Ю. М. Ботяков. Он работал как в Бзыбской (Гудаутской), так и в Абжуйской (Очамчирской) Абхазии. Юрий Михайлович справедливо отмечает, что «этот большой религиозный праздник у абхазов носит по своей сути характер семейного торжества и посвящается встрече и угощению в родном доме усопших родственников» (Ботяков 2015: 39). Главные события во время проведения *нанхэа* разворачиваются в пространстве дома, в главной комнате-гостиной-*асаирта*, где накрывают стол,

а не на кладбище, несмотря на то, что обряд направлен в основном на поминовение умерших родственников. В настоящее время обряд состоит из нескольких компонентов — подготовка поминальной еды, приглашение и угощение душ мертвых, а затем их выпроваживание.

Следует обратить внимание на некоторые особенности этого обряда. Несмотря на то, что он в первую очередь направлен на поминание покойных, нужно подчеркнуть его гендерную специфику. Подготовка и проведение самого обряда ложится, в первую очередь, на женскую половину семьи. Мужчины включаются в отмечание праздника только после того, как умершие родственники покинули дом.

К этому празднику женщины начинают готовиться с раннего утра, так как, по их представлениям, для умерших родственников надо накрыть стол и зажечь в честь умерших свечку еще до обеда. «Еда должна быть по возможности изобильной, разнообразной и включать в себя продукты нового урожая» (Ботяков 2015: 40). Обязательными блюдами, которыми угощают покойников, являются — только что сваренная халва-*ахалуа*¹, хачапур-*ачаишэ*, один молодой и второй прошлогодний петух в вареном виде, сыр, мамалыга, соус из алычи *асызбал*, а также плоды — молочная вареная кукуруза, инжир виноград, арбуз. Любое застолье у абхазов не проходит без спиртных напитков. В данном случае обязательными являются красное вино-*афы еикэацэа*², водка-чача *ажьагьуатка*. Кроме того, на столе должны присутствовать *ахарцэызва* — разведенный в воде мацони и *ацхазва* — разведенный мед.

Перед началом приготовления еды женщина на спинку одного из стульев, которые приставлены к столу, вешает полотенце. Как правило, этот стул ставят во главе стола, там, где обычно сидел глава семьи. После того как накрывают стол, кто-то из семьи приносит на железном плоском предмете горящие угли, рядом с которым ставят небольшой тазик для сливания вина и водки. Горящие угли на подносе представляют собой импровизированную жаровню и скорее всего, заменяют камины. Этот предмет используется исключительно в тех ритуалах, что посвящены умершим.

Стоит отметить, что в традиционной жизни и отдельных обрядах абхазов наблюдаются отличия скорее локальные, чем религиозные. Так, например, в Бзыбской Абхазии на поминальных столах в качестве обязательного блюда часто можно увидеть рисовую кашу, в то время как в Абжуйской ее не готовят.

По мнению абхазов, с того момента как начинают накрывать поминальный стол на улицу никто не должен выходить. Они считают, что душа покойников будет преследовать того, кто нарушит это правило. После того как заканчиваются приготовления, старшая женщина начинает пробовать все блюда, которые стоят на столе. Все остальные члены семьи, а затем гости следуют ее примеру. Они в первую очередь произносят тост в честь умерших, отливают в миску немного спиртного и пьют. Все, кто в этом участвует, берут заранее приготовленные куски воска и кладут на горя-

¹ Халва — *ахалуа*. Ритуальное поминальное блюдо, сваренное из пшеничной муки, которое используется только в тех случаях, когда обряды посвящены умершим. Для его приготовления в масле жарят пшеничную муку до светло-коричневого цвета, затем медленно, не переставая перемешивать, в эту массу вливают кипяченую воду. Правильно приготовленная халва должна быть без комочков. Затем добавляют сахар и мед. По консистенции халва выглядит как густая коричневая каша. Через несколько минут ее раскладывают на подносы. Едят, как правило, в холодном виде.

² Интересен тот факт что в абхазском языке не существует понятие красное вино. Абхазы красное вино называют *афы еикэацэа*, то есть черное вино.

щие угольки. Этот обряд называется *асакэмал ахцара*. Сами абхазы об этом говорят, что запах воска, расплавленного на углях, нюхают мертвые. «На том свете это для них полезно» (ПМА 2019).

По представлениям абхазов, умершие трапезничают примерно в течение часа. По прошествии этого времени хозяйка дома начинает раскачивать стол давая понять «гостям» с того света, что трапеза для них завершилась. Затем она вытряхивает через порог полотенце. После этого она три раза открывает и закрывает входную дверь со словами «Сюда не поворачивайтесь. Если даже посмотрите, то пусть это будет по старшинству» (досл. *Арахь шэхьамцшын. Шэхьахэацшыргьы еиҳабы еиҳабыла акэхааит*) (ПМА 2016). В другом случае текст, произносимый во время проводов покойников, более обширный: «Все то, что нами сегодня для вас сделано, сделано от чистого сердца, не вините нас за то, что нами по незнанию не сделано, не оглядывайтесь назад, не обделите нас своим вниманием, присматривайте за нами по хорошим случаям, да не будете обделены тем, что есть там, где находится» (Ботяков 2015: 41).

После этого старшая женщина в отдельную миску или салфетку складывают по кусочку всех блюд, которые стоят на поминальном столе, и оставляет в таком месте, где наверняка никто не ходит, либо кладут на ветку какого-нибудь дерева, которое стоит рядом. Интерпретация этого обряда тоже обладает вариативностью. Например, В. Л. Бигуаа считает, что они «выбрасываются во двор для тех, кому некуда обратиться за едой (имеют в виду тех чужих покойников, которые не имеют живых родственников)» (Бигуаа 2018: 190). В любом случае, эта еда предназначена для всех покойников, которые могут ее попробовать пока она там находится.

Ритуальная часть *нанхэа* на этом заканчивается и все присутствующие садятся за стол.

В абхазском обществе ходят рассказы о случаях, когда душу умершего забывали выпроводить. Тогда он своими действиями подает знаки о том, что его забыли и нужно его вернуть обратно в мир умерших. Информантка рассказывает: «в полночь я начала слышать, что кто-то ходит по дому, дышит и как будто стонет, открывает и закрывает дверцы шкафов. Я встала, чтобы проверить, кто находится в доме, но никого не увидела. Дверь в комнату свекра открылась и закрылась, и я увидела, как продавилась кровать и после этого я поняла, что это душа моего свекра, которого я забыла выпроводить» (ПМА 2016). После этого женщина извинилась перед покойным, открыла дверь и совершила все необходимые части обряда.

Одним из составляющих элементов праздника и еще одной формой общения с умершими является гадание. В настоящее время оно распространено в Бзыбской Абхазии. В селе Отхара в день Успения один из гостей спросил: «А вы пойдете слушать мертвых»? Как правило, об этом сами абхазы мало распространяются, несмотря на то, что для них слушать мертвых в ночь с 28 на 29 августа имеет важное значение. В ходе дальнейшего интервьюирования был получен интересный материал. По сообщениям информантов к этому ритуалу готовятся заранее: выбирают место, время и тех, кто составит «компанию». Слушать мертвых нужно в специальном месте: «пересечение трех дорог, и чтобы это было около кладбища» (ПМА 2016). Когда мы изъявили желание принять участие в этом обряде, старший мужчина-информант начал подробно описывать, как нужно себя вести, когда пойдем «слушать мертвых». «Нужно идти после полуночи, желательно вдвоем. Голое тело свое трогать нель-

зя. Даже чесать. А если вдруг кто-то укусит, у нас тут много комаров, то вы можете почесать специальной ореховой палочкой, которую нужно приготовить заранее и не забыть с собой взять. И самое главное, с того момента, как выйдете со двора, разговаривать нельзя» (ПМА 2016). Стоит отметить, что ореховые ветви являются важным материалом в обрядовой практике абхазов, в том числе, и в сфере коммуникации с мертвыми. Так, например, во время ритуала выпроваживания души умершего — на годовщину смерти дорогу ей показывают при помощи ореховой палочки¹.

Абхазы-бзыбцы искренне верят, что мертвые предупреждают об опасности, которая их ждет впереди. Важно отметить, что гадание направлено не на конкретную личность, а на общину в целом. По тем звукам, которые подают покойники, можно понять, что будет в этом селении в следующем году. «Если со стороны кладбища раздаются крики, то в селе будет смерть. Если услышишь звон тарелок, будет свадьба, а если ты увидишь, что с мертвым кто-то разговаривает, то этот человек в этом году умрет» (ПМА 2016).

Сам процесс гадания к настоящему времени тоже претерпел некоторые изменения. Еще в 80-х гг. XX в. на перекрестке разжигали огонь, садились недалеко от костра и начинали слушать. В наши дни костер не разжигают, но неизменным остается место проведения обряда-гадания. Одна из информанток вспоминает, как в 1984 г. ее супруг пошел гадать: «В ночь с 28 на 29 августа мой муж пошел к перекрестку трех дорог. Разжег костер и сел немного поодаль. Через некоторое время он увидел трех уже умерших людей — один его знакомый мужчина в сопровождении еще двух мужчин подошли к костру, разговаривая при этом, и сели вокруг него. Вдруг около костра появились трое девушек в сопровождении его зятя. Они все начали танцевать вокруг костра. Затем видение исчезло. Спустя некоторое время один из присутствующих мужчин сказал: „здесь еще кто-то есть кроме нас“ и они двинулись в его сторону. Он настолько испугался, что дальше не стал их слушать и прибежал домой весь бледный. Потом уже, когда он вернулся домой и немного пришел в себя, рассказал, что произошло. Моя свекровь, когда услышала рассказ о видении, сказала, что с зятем что-то плохое произойдет. Так и вышло. Он погиб в автокатастрофе» (ПМА 2016).

Таким образом, на примере обрядов праздника Успения-*нанҳаа* можно отметить несколько важных черт, характерных для представлений абхазов о месте умерших в их жизненном пространстве.

Во-первых, граница между миром живых и миром мертвых является проходимой и может быть пересечена обитателями обоих миров.

Во-вторых, умершие нуждаются в заботе живых, которая, в первую очередь, выражается в их кормлении. При этом сами абхазы говорят, что кормление необходимо для того, «чтобы на том свете их стол был полон».

В-третьих, умершие являются источником определенной опасности, поскольку могут «увести» кого-то с собой из мира живых.

В-четвертых, умершие обладают особым знанием о будущем, которое можно получить при помощи обряда гадания. При этом, существенное значение имеет место гадания и особенности поведения живых, которые выражаются в соблюдении спец-

¹ Функции ореховой ветки не ограничиваются областью коммуникации с мертвыми, но тесно связаны и с практикой жертвоприношений во время родовых и общинных молений. Здесь рогадка из ореха используется для нанизывания на нее сердца и печени жертвенного животного.

ифических правил этикета, связанных с речью и непосредственным прикосновением к живому телу.

Источники и материалы

- ПМА 2016 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2016 г. Информанты: Айба А. Н. 1940 г. р., Шершелия Ф. Е. 1961 г. р., Шларба С. Ш. 1978 г. р. — с. Отхара Гудаутского района, с. Джгерда Очамчырского района.
- ПМА 2019 — Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия в 2019 г. Информант: Цвижба Б. С. 1964 г. р., с. Джгерда Очамчырского района.

Научная литература

- Бигуаа В. Л. Ритуальный мир традиционной религии абхазов. М.: МАКС Пресс, 2018. 336 с.
- Ботьяков Ю. М. Видеоматериалы отдела Кавказа МАЭ как источник изучения обрядовой практики абхазов // Сборник музея антропологии и этнографии LX. Народы Кавказа: музейные коллекции, исследования объектов и явлений традиционной и современной культуры / ред. Ю. Ю. Карпов. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 30–64.
- Джанашия Н. Абхазский культ и быт. Отдельный оттиск из журнала «Христианский Восток». Вып. III. Петроград: Типография Академии наук, 1917. С. 157–208.
- Зельницкая Р. Ш. Мужчина, о котором слагают стихи. Шота Шларба: жизнь, судьба, время. / сост. Р. Ш. Зельницкая. М.: «Росинформагротех», 2020. 165 с.
- Кормина Ж. В., Штырков С. А. Мир живых и мир мертвых: способы контактов (два варианта северорусской традиции) // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы / отв. ред. А. А. Плотникова. М.: Издательство «Индрик», 2001. С. 206–232.
- Марков Б. В. Мертвое и живое // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Вып. 4 / ред. А. В. Демичев, М. С. Уваров. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С. 136–152.
- Шиллинг Е. М. Абхазы // Религиозные верования народов СССР. Сборник этнографических материалов / ред. В. К. Никольский. Т. 2. М. – Л.: Московский рабочий, 1931. С. 55–71.

References

- Biguaa, V. L. 2018. *Ritual'nii mir tradicionnoi religii abhazov* [The Ritual World of the Traditional Religion of the Abkhazians]. Moscow: MAX Press Pub. 336 p.
- Botiakov, Yu. M. 2015. Videomateriali Otdela Kavkaza MAE kak istochnik isucheniya obriadovoi praktiki abhazov. [MAE Department of Caucasus Video Materials as the Source of the Study of the Ritual Practice of Abkhazians] in *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii LX. Narodi Kavkaza: muzeiniye kollekcii, issledovaniya ob'yektov I yavlenii tradicionnoi I sovremennoi kul'turi* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography LX. Peoples of the Caucasus: Museum Collections, Studies of Objects and Phenomena of Traditional and Modern Culture], edited by Yu. Yu. Karpov. Saint-Petersburg: MAE RAN. 30–64.
- Dzhahnasia, N. 1917. *Abhazskii kul't i bit* [The Cult and the Household of Abkhazians]. Separate offprint of the “East Christianity” magazine, issue III. Petrograd: The Academy of Science Typography. 157–208.
- Zelnitskaya, R. Sh. 2020. “Muzhchina, o kotorom slgayut stihy”. *Shota Shlarba: zhizn', sud'ba, vremya* [“The Man about whom They Compose Poems”. Shota Shlarba: his Life, his Destiny, his Age]. Moscow: “Rosinformagroteh”. 165 p.
- Kormina, Zh. V. and S. A. Shtirkov. 2001. Mir zhivih i mir miortvih: sposobi kotaktov (dva varianta severorusskoi tradicii) [The World of the Living and the World of the Dead: the Ways of Contacts (Two Variants from the North Russian Tradition)] in *Vostochnoslavianskii etnolingvis-*

ticheski sbornik. Issledovaniya i materialy [East Slavic Ethnolinguistic Collection. Studies and Materials], edited by A. A. Plotnikova. Moscow: Indric. 206–232.

Markov, B. V. 1998. Mertvoye i zhivoye [Dead and Alive] in “*Figuri Tanatosa*”, *Iskusstvo umiraniya* [Thanatos Figures: The Art of Dying]. Issue 4, edited by A. V. Demichev, M. S. Uvarov. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University. 136–152.

Shilling, E. M. 1931. Abhasi [Abkhazians] in *Religiosniye verovaniya narodov SSSR. Sbornik etnograficheskikh materialov* [Religious Beliefs of the Peoples of the USSR. A Collection of Ethnographic Materials]. Vol. 2, edited by V. K. Nikol'skii. Moscow–Leningrad: Moskovskii rabochii. 55–71.